

Н. А. Тарасова

ВЫЧЕРКНУТЫЙ ТЕКСТ В НАБОРНОЙ РУКОПИСИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» 1877 г.

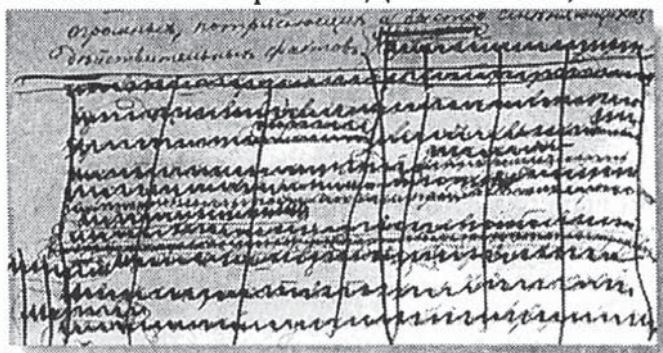
При изучении наборной рукописи «Дневника писателя» 1877 г. возникает необходимость решения различных текстологических проблем. Одна из них — чтение вычеркнутого автором текста. Проблемность данного вида научной работы подробного обоснования не требует: разбирать вычеркнутый текст непросто, даже если запись сделана хорошо знакомым почерком, — но все же приведем необходимые пояснения. В нашем случае дополнительные трудности были связаны с тем, что вычеркнутые отрывки содержались именно в наборной рукописи, то есть в беловом тексте, предназначенном для печати. Достоевский довольно основательно зачеркивал те или иные формулировки, которые по разным причинам представлялись ему неудачными, а в наборной рукописи он делал это с особым тщанием, видимо, опасаясь, что наборщик случайно прочтет вычеркнутое и наберет исключенный автором текст. Как правило, в наборной рукописи подобные записи почти полностью закрыты горизонтальными и зигзагообразными линиями, создающими несколько слоев. В результате, в более позднее время, когда при подготовке академического издания¹ стали публиковать все рукописное наследие Достоевского (в том числе и варианты наборной рукописи), обнаружилась отмеченная проблема. В ПСС нередко указания на то, что публикаторам не удалось разобрать часть записанного или весь вычеркнутый автором фрагмент рукописи. Между тем оказалось, что прочесть эти записи все-таки можно, причем опыт такой работы просто бесценен: не только лучше узнаешь, казалось бы, уже привычный почерк, но и яснее понимаешь, как следует выделять слои в тексте, как отграничивать линии вычерка от буквенных начертаний, чтобы сквозь чернильные хитросплетения проступило слово автора. Конечно, в данном случае и речи быть не может о том, чтобы вести подобную работу с копиями рукописного текста, какими бы качественными они ни были: результат возможен только при очень внимательном и довольно длительном изучении оригинала. В настоящее время существуют новые методики

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990 (далее — ПСС).

компьютерной обработки рукописного текста (знакомые автору статьи). Подчеркнем, что результаты такого компьютерного «очищения» зачеркнутой записи от наслоений требуют того же текстологического анализа, который проводится при «обычном» исследовании рукописи: компьютерная программа не прочитает текст за нас, итог работы зависит от характера и содержания наших действий.

Проанализируем результаты исследования. Всего в наборной рукописи «Дневника писателя» 1877 г. обнаружено семнадцать вычеркнутых записей, либо не опубликованных, либо опубликованных частично с пометой «нрзб.». К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть все случаи — выделим наиболее значительные.

В автографе за июль–август есть вычеркнутый отрывок, информация о котором отсутствует в ПСС. Запись относится к главе второй, § I «Опять обособление. Восьмая часть „Анны Карениной“». Как известно, восьмая часть «Анны Карениной», в которой выражалось скептическое отношение к выступлениям России в защиту балканских славян, была отвергнута редакцией журнала «Русский вестник» в силу идеологических соображений: М. Н. Катков, редактор не только «Русского вестника» (где публиковался роман Толстого), но и «Московских ведомостей», регулярно печатавших подробные отчеты о балканских событиях, поддерживал идею освободительной войны в защиту единоверцев. В автографе, как и в окончательном тексте «Дневника писателя», встречаем рассуждение о том, что взгляд «вымышленного», «фантастического», «несуществующего» Левина на Восточный вопрос читатель так или иначе будет соотносить с реальной авторской позицией: «Такимъ образомъ, судя объ [фантастическомъ] /несуществующемъ/² Левинъ, мы будемъ судить и о [цълomъ] дѣйствительномъ [уже] /уже/ взглядѣ одного изъ самыхъ значительныхъ /современныхъ/ русскихъ людей на текущую русскую дѣйствительность. А это уже предметъ для сужденія серьёзный даже и въ наше столь гремящее время, столь полное огромныхъ, потрясающихъ и быстро смѣняющихся дѣйствительныхъ фактовъ»³. После этих слов следует текст, вычеркнутый автором и не опубликованный ни во времена Достоевского, ни позднее:

² В квадратные скобки заключен вычеркнутый Достоевским текст, в наклонные скобки — вписанный.

³ РГБ, ф. 93, 1.2.12, л. 163. Сердечно благодарю сотрудников НИОР РГБ и РГАЛИ за предоставленные материалы.

«/Предметъ/ серьёзный потому уже, что въ наше время столь всеобщаго разъединенія взглядовъ и выводовъ относительно всего что кругомъ насъ [дѣлается] /свершается/, взгляды и выводы [такихъ] /всѣхъ/ значительныхъ русскихъ людей, какъ авторъ столь замѣчательнаго поэтическаго произведенія<, > непременно <над строкой вариант: если только случится что они какимъ нибудь путемъ выскажутся вслухъ, непременно> должны быть приняты всѣми въ особое вниманіе, [ибо] /такъ какъ/ изъ этихъ лишь взглядовъ /всѣхъ/ значительныхъ русскихъ людей, хотя бы и разныхъ занятій и профессій/, изъ сравненія ихъ и проверки ихъ, и составитя хотъ когда нибудь /въ совокупности/ взглядъ цѣльный и уже не сбивчивый, вѣрный и для всѣхъ единительный»⁴.

Отметим, что частичное текстуальное соответствие данной записи имеется в набросках к выпуску за июль–август: «[ибо] /серьёзно эт<о> пот<ому что>/ въ наше время /всеобщей/ раздробленности и разъединенія нашихъ взглядовъ /на эту самую гремучую и потрясающую дѣйствительность/, мысли такихъ замѣчательныхъ русскихъ людей /какъ авторъ ром<ана> Анна Кар<енина>/ [всѣ] заслуживаютъ непременно вниманія и оцѣнки, и /даже/ чѣмъ больше мы тутъ употребимъ вниманія и оцѣнки, /тѣмъ вѣрнѣе прибли<зимся>⁵ къ настоящему⁶ вѣрно<му> взгл<яду>⁷, который еще въ будуще<мъ> <над строкой: сдѣлаемъ сами⁸/»⁹.

Запись, обнаруженная в наборной рукописи, содержит идеи, имевшие огромное значение для творчества Достоевского. Здесь, в частности, звучит тема разъединения русских людей, которая в «Дневнике писателя» определяется и через понятие «обособление»: «всеобщему разъединению взглядов и выводов» противопоставлен «взгляд цельный и уже не сбивчивый, верный и для всех единительный», связанный в авторском восприятии с великим будущим России. Таким образом, в найденном отрывке видны те историософские представления Достоевского, которые развиваются в окончательном тексте «Дневника писателя» в целом. Кроме того, в данной записи появляется важная характеристика романа Л. Н. Толстого: «замечательное поэтическое произведение». Знаменательно определение «поэтическое», отнесенное к прозаическому тексту. Оно связано с традицией, сложившейся в истории словесности до появления произведений Достоевского (вспомним классический пример — суждения В. Г. Белинского о Гоголе как «поэте жизни»), и вместе с тем это определение отражает авторское понимание художественного творчества и творческого процесса. Исследователи часто приводят замечание Достоевского о *поэте* и *художнике*, высказанное в записной тетради за 1874 г.: «ЧТОБЫ

⁴ Там же. Л. 163–164.

⁵ В ПСС слово значитса как неразобранное (см.: 25, 246).

⁶ В рукописи ошибочно: настоящей

⁷ В ПСС неточное прочтение: «чем к настоящей, вернее взгл<яд?>» (25, 246; текст в сноске).

⁸ В ПСС: «сделаем <?>» (25, 246).

⁹ РГБ, ф. 93. л. 2. 14 / 7, л. 1.

НАПИСАТЬ РОМАНЪ НАДО ЗАПАСТИСЬ прежде всего *однимъ* или *нѣсколькими* сильными впечатлѣніями, пережитыми сердцемъ автора дѣйствительно. *Въ этомъ дѣло поэта.* Изъ этого впечатлѣнія развивается[,] тема, планъ, стройное цѣлое. *ТУТЬ дѣло уже художника;* хотя художникъ и поэтъ помогаютъ другъ другу и въ томъ и въ другомъ — въ обоихъ случаяхъ» (запись находится на полях слева от основного текста, содержащего наброски к роману «Подросток») ¹⁰. Данное суждение получало различные толкования в науке. По мнению А. С. Долинина, Достоевский здесь «разграничил <...>, еще в самом начале работы над „Подростком“, момент возникновения художественного замысла и процесс дальнейшего его развития» ¹¹. Л. П. Гроссман уточняет это понимание, касаясь вопроса о соотношении искусства и действительности: «Итак, в основе романического замысла — поэма, то есть идея, пафос, фабула, страстный элемент, идеал и утопия; но они осуществимы художественно лишь при безупречном знании современной действительности в ее движущихся настроениях и характерных фактах. Быт и запросы эпохи придают конкретность и жизненность идеологической тематике романа» ¹². Особенностью «сложной внутренней структуры творений Достоевского», по утверждению исследователя, является «сочетание эпоса с поэзией и драмой, или философская поэма в оправе из физиологических очерков». Тем показательней, что Достоевский «почти никогда не называет себя романистом или писателем, но почти всегда поэтом в первоначальном смысле слова, т. е. творцом высокого стиля, песнопевцем великой темы, создателем новой интеллектуальной героики. В его литературной биографии не меньшую роль, чем знаменитые романисты, играют великие лирики и мировые трагики» ¹³. Интерпретация Л. М. Розенблум синтезирует обе точки зрения: «Дело „поэта“ <...> — пережить действительность сердцем, в результате чего воображение автора создает предварительный, общий план произведения. <...> Следующий этап — деятельность „художника“, когда поэтический замысел должен быть конкретизирован и воплощен в самом произведении, сначала — в набросках к нему, а затем — в окончательном тексте» ¹⁴.

Таким образом, в наборной рукописи «Дневника писателя» роман Толстого назван «поэтическим произведением» именно потому, что он воспринимается Достоевским как результат «сильных впечатлений, пережитых сердцем автора действительно», — и такое определение показывает, что для Достоевского есть творчество. Не случайно в интересующем нас отрывке наборной рукописи роман как художественное творение соотно-

¹⁰ РГАЛИ, ф. 212. л. 12, л. 15 (в авторской нумерации — л. 7).

¹¹ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа «Подросток»). Л., 1947. С. 134.

¹² Гроссман Л. П. Достоевский—художник // Творчество Достоевского. М., 1959. С. 367.

¹³ Там же. С. 336.

¹⁴ Розенблум Л. М. Творческая лаборатория Достоевского—романиста // Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. М., 1965. С. 22 (Лит. наследство. Т. 77).

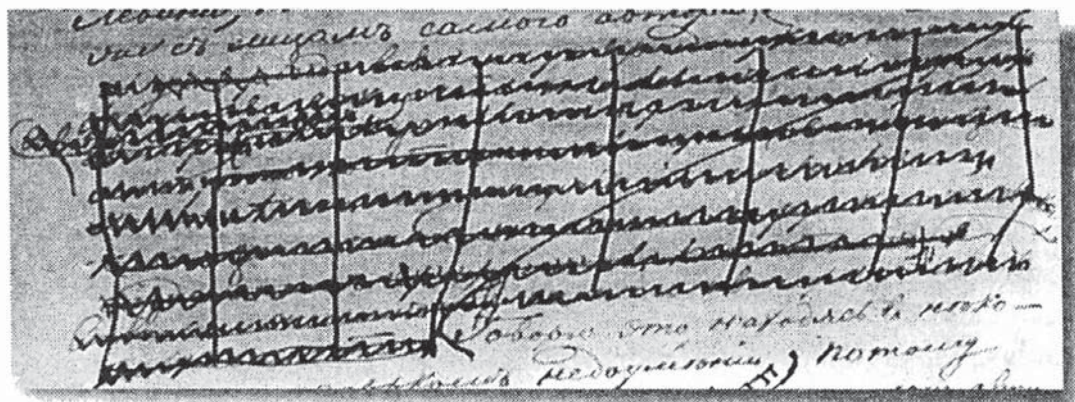
сится, с одной стороны, с авторским взглядом на мир, с другой — с самой реальностью.

Однако при исследовании рукописи возникает вопрос: если указанный отрывок обладает такой идейно-художественной насыщенностью, почему он был исключен Достоевским? Конечно, ответы на этот вопрос могут быть разными и все они останутся на уровне гипотез. Но это не значит, что следует уходить от объяснений. В данном случае (как и во многих других) значение приобретает контекст, а особенно — дальнейшие рассуждения Достоевского о романе Толстого. Они имеют менее обобщенный характер, чем вычеркнутый фрагмент; при этом, в силу своей конкретности, принимают более резкую форму высказывания: «Сущность этого взгляда, насколько я его понял, заключается главное въ томъ, что во 1^{хб}) все это такъ называемое національное движеніе /нашимъ/ народомъ отнюдь не раздѣляется и народъ вовсе /даже/ не понимаетъ его, во 2^{хб}) что все это [фа] нарочно поддѣлано, сперва извѣстными лицами, а потом[у]/ь/ поддержано журналистами изъ выгоды, чтобъ заставить болѣе читать ихъ изданія <, въ> 3<^{хб}>» что всѣ добровольцы были или потерянные и пьяные люди, [безтолковые] или [глу] просто глупцы, въ 4^{хб}) что весь этотъ, такъ называемый подъемъ русскаго національнаго духа [противъ] /за/ славянъ, былъ не только поддѣланъ извѣстными лицами и поддержанъ продажными журналистами, но и [фальшиво] поддѣланъ[, съ фальшью злокозненною и зловѣщею, /и/ могущею потрясти такъ сказать основы и /т. д. <,> и т. д./ даже можетъ быть именно [противъ] для этого самого...] вопреки такъ сказать самыхъ основъ... И наконецъ въ 5^{хб}) что [„непо] [Славянъ] всѣ варварства и неслыханныя истязанія <,> совершенныя надъ славянами, не могутъ возбуждать [непосредст] въ насъ <,> русскихъ <,> непосредственнаго чувства жалости и что „такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть“. Последнее выражено [авторомъ рѣзко и] окончательно и категорически»¹⁵. Более широкий контекст показывает, что вычеркнутый Достоевским отрывок по содержанию не согласуется с критической оценкой восьмой части «Анны Карениной». По форме же вычеркнутый фрагмент является авторским отступлением от главной темы — полемики Достоевского с Левиным и через героя с создателем романа. Видимо, все это и послужило причиной исключения записи, которая ни по содержанию, ни по форме не вписывалась в общий контекст размышлений Достоевского.

В наборной рукописи за июль–август имеется другая запись, исключенная из окончательного текста и частично разобранный в ПСС: «и [утвержда<ю>] вовсе не утверждаю, как <нрзб.> фальшиво <нрзб.>, что Левин есть портрет автора во всех отношениях, так сказать *Далее шесть густо зачеркнутых строк*» (25, 307). Этому фрагменту в рукописи предшествуют слова: «Впрочемъ <,> замѣчу еще, что хотя и утверждаютъ многіе, и даже

¹⁵ РГБ, ф. 93, л. 2.12, л. 164–165.

я самъ ясно вижу, (какъ и [вырази] сообщилъ выше), что въ лицѣ Левина авторъ во многомъ выражаетъ свои собственныя убѣжденія и взгляды, влагая ихъ въ уста Левина чуть не насильно и /даже/ явно жертвуя /иногда/ притомъ художественностью, но [все же] лицо самого Левина, такъ какъ изобразилъ его авторъ, я все же съ лицомъ самого автора /отнюдь/ не смѣшиваю»¹⁶. Далее следует вычеркнутая заметка, вызвавшая затруднения составителей ПСС:

«и [утвержда] вовсе не утверждаю, какъ могли бы фальшиво заключить, что Левинъ есть портретъ автора /во всѣхъ отношеніяхъ/. Высказать это я уже потому бы не могъ, что почтеннаго автора совсѣмъ не знаю лично. А потому и сужденія мои о Левинѣ, какъ о замѣчательномъ типѣ русскаго человѣка, созданномъ графомъ Л. Толстымъ, [я вовсе не желалъ бы] самого автора отнюдь не касаются»¹⁷. Запись содержит, как видим, информацию о том, что Достоевский и Толстой не были знакомы лично; об этом впоследствии сообщала А. Г. Достоевская, которая в «Воспоминаниях» при описании своей встречи с Толстым процитировала его фразу: «Я всегда жалею, что никогда не встречался с вашим мужем»¹⁸. Кроме того, установленный текст показывает, насколько трудно было Достоевскому открыто, публично давать критическую оценку творениям его знаменитого современника. Здесь, как и в окончательном тексте, Достоевский подчеркивает, что не стоит отождествлять автора и его героя; при этом отвергнутый вариант (в частности, строки «сужденія мои о Левине ~ самого автора отнюдь не касаются») звучит более сдержанно, «этикетно», по сравнению с окончательным текстом: «Говорю это, находясь в некотором горьком недоумении, потому что хотя очень многое из выраженного автором, в лице Левина, очевидно, касается собственно одного Левина, как художественно изображенного типа, но всё же не того ожидал я от такого автора!» (25, 194). Эмоциональность этого (вошедшего в печатный текст) выступления Достоевского понятна. Страницы газет и журналов

¹⁶ Там же. Л. 166.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 393.

того времени были наполнены многочисленными сообщениями о зверствах турок на Балканах¹⁹, содержащими шокирующие подробности происходившего: русские и иностранные корреспонденты — очевидцы событий — в деталях рассказывали о том, как башибузуки истязали и убивали мирных жителей—славян, а также раненых русских солдат и офицеров, не успевших покинуть поле боя при отступлении (несмотря на то что русско-турецкая война 1877–1878 гг. завершилась победой России, русская армия с начала военных действий до осени 1877 г. потерпела несколько поражений в крупных сражениях и несла огромные потери). Судя по тому, какой отклик эта тема получила в «Дневнике писателя», Достоевского более всего поразили описания убийств детей — и это, конечно, тоже не случайно: хорошо известно, сколь значим образ ребенка для Достоевского и как важна христианская, евангельская основа данного образа, на которую указывает и сам автор (в частности, в «Дневнике писателя» 1876 г., в главах о деле Кроненберга²⁰). Наборная рукопись «Дневника» за июль–август 1877 г. включает одно из обращений Достоевского к отмеченной теме: «И что за безчувственность рядомъ съ сантиментальностью! Въдъ у Левина у самого есть ребенокъ, мальчикъ, [его только] въдъ онъ же любить его, [какъ–же] /въдъ когда моють въ ваннъ этого ребенка, такъ въдъ это въ домъ въ родъ событія; какъ–же/ не искомненитъ /ему/ сердце свое слушая и читая объ избіеніяхъ массами, объ дѣтяхъ съ проломленными головами, ползающихъ около изнасилованныхъ своихъ матерей, убитыхъ, съ вырѣзанными грудями. Такъ было въ одной болгарской церкви <, > гдѣ нашли двѣсти труповъ, послѣ разграбленія города»²¹. Эти строки помогают понять, почему Достоевский так резок и категоричен в выступлении, посвя-

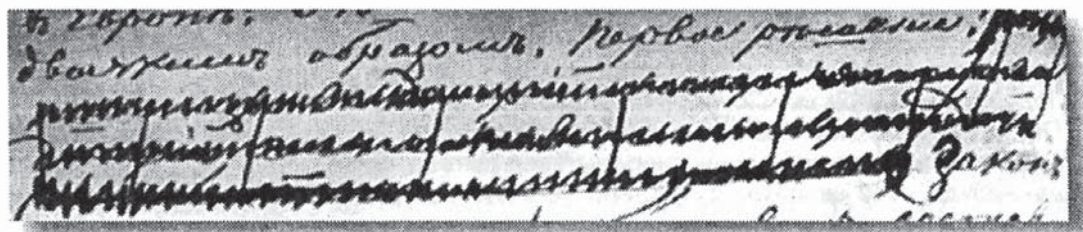
¹⁹ Подробнее об этом см.: 25; 443–445 (примечания А. И. Батюто).

²⁰ См. в февральском выпуске: «Вы скажете, что мы должны же исправлять детей. Слушайте: мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему–нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности, даже и при порочной какой–нибудь в них привычке, — к их безответственности и к трогательной их беззащитности» (22, 68–69). Ср. с черновой заметкой, включающей евангельскую реминисценцию (Мф. 19:13–14, Мк. 10:13–16, Лк. 18:15–17): «Христось <, > обнимая дѣтей <, > опредѣлилъ <, > какъ на нихъ надо смотрѣть. Сами вы г. Спасовичъ должны знать <, > гдѣ предѣлъ ударовъ, если у васъ бьется что нибудь *sous la mamelle gauche*» (РГАЛИ, ф. 212. 1.15, л. 100). Совершенно тот же взгляд на ребенка представлен и в романах Достоевского. Так, в «Преступлении и наказании», в знаменитом диалоге «убийцы и блудницы, странно сошедшихся за чтением вечной книги» сказано: «А ведь дети — образ Христов: „Сих есть царствие Божие“. Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...» (6, 252). См. также: *Пушкарева В. С.* Дети и детство в творчестве Ф. М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. Белгород, 1998. С. 89; *Тихомиров Б. Н.* Дети в Новом Завете глазами Достоевского. (Постановка проблемы) // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 19. С. 135–156; *Он же.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга–комментарий. СПб., 2005. С. 299–300.

²¹ РГБ, ф. 93, 1.2.12, л. 207–208. См. также: 25; 448 (примечания А. И. Батюто).

щенном восьмой части «Анны Карениной»); эти строки объясняют и другое — постоянное, сформировавшееся еще в публицистических работах 1860-х гг., критическое отношение к «теоретикам»: взгляды писателя на прошлое, настоящее и будущее России никогда не были «теорией», они выражали живое участие Достоевского ко всему происходившему вокруг. Авторская метафора — «искровенить сердце свое» — как нельзя более точное подтверждение этой мысли.²² По наблюдению Н.Т. Ашимбаевой, сделанному на материале художественных произведений Достоевского, «именно сердце, его отклик или, напротив, молчание становится критерием истинности или неистинности идейных убеждений и всего жизненного чувства»²³. Достоевский показывает собственных героев через «жизнь сердца»²⁴ — этот же принцип изображения человека важен для писателя при оценке «сантиментального», но «бесчувственного» Левина.

В наборной рукописи за июль–август есть еще один отрывок, вызвавший затруднения публикаторов ПСС. После строк: «Въ Аннѣ Карениной проведенъ взглядъ на виновность и преступность челоувѣческую. Взяты люди въ ненормальныхъ условіяхъ. Зло [стало] существуетъ прежде нихъ. [Въ кругов] Захваченные въ круговоротъ лжи люди совершаютъ преступленіе и гибнуть неотразимо. Какъ видно мысль на любимѣйшую и стариннѣйшую изъ европейскихъ [темъ] темъ. Но какъ <,> однакоже <,> рѣшается /такой/ вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно двоякимъ образомъ. Первое рѣшеніе:»²⁵ — вычеркнут текст, который в академическом издании приведен не полностью: «Мера пшеницы за динарий и мера ячменя за динарий <Далее 2 строки нрзб.>» (25, 309). В рукописи:

²² Здесь возникает и другая проблема, присущая именно «Дневнику писателя», — этическая, связанная с допущением убийства и насилия в условиях войны. См. различные мнения на этот счет: Волгин И. П. Нравственные основы публицистики Достоевского (Восточный вопрос в «Дневнике писателя») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. XXX. Вып. 4. С. 312–324, особенно 316–318; Тихомиров Б. Н. Гаршин, Достоевский, Лев Толстой. (К вопросу о соотношении евангельского и народного христианства в творчестве писателей) // Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001. С. 89–107, особенно 98–101. Также см.: Сараскина Л. И. Не мечем, а духом // Век XX и мир. 1986. № 6. С. 40–47; Достоевский и канун XXI века // Знамя. 1990. № 7. С. 214–215; Дудкин В. В. Достоевский — Ницше (Проблема человека). Петрозаводск, 1994. С. 112; Матюшкин А. В. Две апологии войны в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Ситуации культурного перелома. Петрозаводск, 1998. С. 115–119.

²³ Ашимбаева Н. Особенности «сердцеведения» Достоевского // Ашимбаева Н. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 79.

²⁴ Там же. С. 68.

²⁵ РГБ, ф. 93, 1.2.12, л. 180.

«Первое рѣшеніе: [„Мѣра пшеницы за денарій и мѣра ячменя за денарій, еля же и вина не повреждай“ (св. апостольскаго ...), т. есть] [з]/З/аконъ данъ, написанъ, формулованъ, составлялся тысячелѣтіями»²⁶. Далее встречаем повторную цитату, не отраженную в ПСС. Появляется она в следующем контексте: «Съ тѣмъ вмѣстѣ, [„еля же и вина не повреждай“ т. е.] не смотря на всю ненормальность /и нелѣпость/ устройства того, что называемъ мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не менѣе пусть силы человѣческаго духа пребываютъ здравы и невредимы, пусть общество не колеблется въ вѣрѣ что оно идетъ къ совершенству, пусть не смѣетъ думать что затемнился идеаль прекраснаго и высокаго, что извращается и коверкается понятіе о добрѣ и злѣ, что нормальность непрерывно смѣняется условностью, что простота и естественность гибнуть, подавляемая непрерывно накопляющеюся ложью. [„Мѣра пшеницы за денарій и мѣра ячменя за денарій и такъ тому и быть“]»²⁷. В обоих случаях Достоевский не совсем точно цитирует Откровение св. Иоанна Богослова, имея в виду строки: «И когда Онъ снялъ третію печать, я слышалъ слова третьяго животнаго: иди и смотри. Я взглянулъ, и се конь вороной; и сидящій на немъ, имѣлъ мѣру въ рукѣ своей. И слышалъ я гласъ посреди четырехъ животныхъ, говорящій: мѣра пшеницы за денарій, и три мѣры ячменя за денарій; еля же и вина не повреждай» (Отк. 6: 5–7)²⁸.

Известны различные интерпретации Откровения св. Иоанна Богослова. Одним из самых значительных является каноническое толкование св. Андрея Кесарійскаго, дающее такое объяснение указанных строк: «Снятие третьей печати, означающее отпадение от Христа не имеющих твердой веры в Него <...>

Мера пшеницы за динарь, может быть, означает чувственный голод, который тогда будет, как указано далее. И это весьма достоверно. В переносном же смысле мера пшеницы, оцениваемая в динарий, означает всех законно–подвизавшихся и сохранивших данный им образ Божий. *Три меры ячменя* суть те, кто по недостатку мужества, подобно бессловесным, покорились гонителям из–за страха, но потом принесли покаяние и омыли слезами оскверненный образ. Слова *не вреди вина и еля* указывают, что из–за страха не следует отвергать Христово врачевание, оставляя без него уязвленных грехом и *впавших в разбойники* и тем допуская смерть к похищению тех, кои имеют побороть свое грехопадение по милости долготерпеливого и великаго Бога»²⁹.

С. Н. Булгаков, назвавший шестую главу Откровения св. Иоанна Богослова «апокалипсическим изображением истории», комментирует биб-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 181.

²⁸ Текст цитируется в переводе Российскаго Библейскаго общества по изданію, подаренному Достоевскому Н. Д. Фонвизиной в 1850 г.: Господа нашего Іисуса Христа Новый Заветъ. СПб., 1823. С. 591 (РГБ, ф. 93, 1.5в.1).

²⁹ *Св. Андрей, архієпископ Кесарійскій*. Толкованіе на Апокалипсис. Статія пятнадцатая. М., 2000. С. 69–71.

лейские строки несколько иначе: «Третий всадник на коне вороном, имеющий меру в руке своей, означает голод. О нем делается „посреди животных“ (6) аллегорическое предвозвещение: „хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий“ (6) (что исторически и археологически означает дороговизну, вызывающую голод). Эта враждебная человеку стихия также попущена в плане Божиим, хотя ей и поставлена граница: „елея же и вина не повреждай“. Что бы ни означала эта аллегория: относится ли она к физическому питанию или же к духовному (таинства церкви), но она говорит о путях Промысла в сохранении человечества от гибели даже при наличии голода. Эта грань вносит провиденциальную черту в грядущие бедствия от голода, им ставится определенная мера»³⁰.

Согласно «Толковой Библии», «первая половина слов Божественного голоса говорит о необыкновенной дороговизне жизни вследствие голода, а вторая указывает на ту роскошь, которой обыкновенно предаются богатые слои общества, эксплуатирующие бедных. В частности, в периоды борьбы христианства с язычеством первые христианские прозелиты среди того или другого языческого общества всегда находились и находятся в сравнительной нужде; более богатое языческое общество обыкновенно утопает в роскоши языческой жизни, христиане же, лишаемые поддержки и сочувствия, должны бывают до крайности ограничивать свои потребности (Иак. II, 6)»³¹.

Посмотрим, какое истолкование получает библейский сюжет в «Дневнике писателя», учитывая, что «цитата, будучи отсылкой к некоторому тексту, расширяет и, как правило, обогащает произведение, в которое она включена, осуществляя в каком-то смысле связь „всего со всем“»³². В окончательном тексте, в отличие от наборной рукописи, прямое цитирование Библии исчезает, но сохраняется апокалипсический мотив суда и есть очевидная аллюзия на указанный новозаветный сюжет: «Сам судья человеческий должен знать о себе, что он не судья окончательный, что он грешник сам, что весы и мера в руках его будут нелепостью, если сам он, держа в руках меру и весы, не преклонится перед законом неразрешимой еще тайны и не прибегнет к единственному выходу — к Милосердию

³⁰ Булгаков Сергей, *прот.* Апокалипсис Иоанна. (Опыт догматического истолкования). М., 1991. С. 57–58.

³¹ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: В 3 т. / Изд. преемников А. П. Лопухина. Пб., 1911–1913. Т. 3. С. 541. Более подробный вариант толкования см.: Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса, с библиографическим указателем / Сост. М. Барсов. М., 1902. С. 125 (автор комментария к гл. VI Апокалипсиса — Ф. Яковлев); Орлов Н. Апокалипсис св. Иоанна Богослова: Опыт толкования. М., 1904. С. 111–112. В библиотеке Достоевского имелся Апокалипсис на французском языке, предположительно соотносимый с комментированными изданиями «*Apopcalypse du bienheureux Jean*» A. Bertet (Paris, 1861; Chambéry, 1870); к сожалению, в настоящее время они не являются для нас доступными (подробнее см.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2005. С. 209).

³² Коробова М. М. Цитаты и крылатые выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского: О проекте словаря // Слово Достоевского. М., 1996. С. 56.

и Любви» (25, 202). Достоевский, предлагая свое понимание библейского изречения, связывает апокалипсические мотивы и образы с целым комплексом историко-философских идей.³³ Прежде всего, это размышления на тему вины и преступности человека, возникшие в связи с прочтением романа «Анна Каренина». Говоря об этом, Достоевский обращается к не менее значимой для «Дневника писателя» теме европейской цивилизации. По мнению автора, «вопрос о виновности и преступности человеческой» в Европе решается двояко: это либо существование согласно закону, когда «зло и добро определено, взвешено, размеры и степени определялись исторически мудрецами человечества» — и «этому выработанному кодексу повелевается следовать слепо» (25, 200–201), либо путь революций, и тогда — «ждут будущего муравейника, а пока зальют мир кровью» (25, 201). Библейское изречение становится иллюстрацией к первому решению. В таком контексте выражение «елея же и вина не повреждай» — это символ непреложности человеческого закона, это характеристика жизни по правилам, установленным людьми, которые сами не ведают истины.

Как видим, трактовка библейских строк, данная Достоевским, отличается от богословской и связана не только с религиозной идеей, но и с характеристикой европейской жизни. В рассуждениях Достоевского появляется образ муравейника, который во многих произведениях писателя символизирует социалистическую утопию и получает устойчивые определения: это созданный «для самосохранения, то есть для брюха» «идеал социального устройства» («Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» — 20, 110); «человеческий безошибочный муравейник» «вне Бога и вне Христа» («Дневник писателя» 1877 г. — 26, 90); «муравейник, давно уже созидавшийся в ней (в Европе. — *Н. Т.*) без Церкви и без Христа» («Дневник писателя» 1880 г. — 26, 167)³⁴. По убеждению Достоевского, европейские социалисты сосредоточены на материальном и забывают о духовной сущности человека — такое содержание образа муравейника отметил, в частности, Н.О. Лосский: «Замысел построить общество без нравственного обоснования, опираясь только на науку и на мнимо научные аксиомы вроде „борьбы за существование“, Достоевский сравнивает с построением Вавилонской башни; пытаясь устроить нечто вроде муравейника, люди не создадут богатств, наоборот, они придут к такому разорению, которое закончится антропофагиею (1877, ноябрь)»³⁵.

³³ Данный принцип проявляется и в художественных произведениях. По замечанию Н. Ф. Будановой, «в контексте черновики к „Бесам“ апокалипсические образы использованы Достоевским для осмысления исторической роли России в грядущих судьбах мира. Об этом же свидетельствуют многочисленные пометы, сопровождающие стихи Апокалипсиса в принадлежащем Достоевскому экземпляре Нового завета <...>» (12; 350, примечания).

³⁴ О философской и литературной традициях образа муравейника в произведениях Достоевского см.: 7; 387 (примечание Г. Ф. Коган и Г. М. Фридлендера); Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. С. 300–301. См. также: Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 170–173.

³⁵ Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 243.

Указанный тематический контекст становится еще более широким при обращении к апокалипсической теме в разных произведениях Достоевского. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» образ муравейника, отражающий ошибочную, по мысли автора, идею объединения «по необходимости» (в отличие от истинной идеи свободного духовного сообщества), возникает в рассуждениях о всемирной выставке в Лондоне: «А между тем и тут та же упорная, глухая и уже застарелая борьба, борьба на смерть всеобщезападного личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга — не то обращение в антропофаги!» (5, 69). При этом образ муравейника как ложный идеал человечества сопровождается библейской аллюзией: «Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо векового духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» (5, 70). Имеется в виду содержание семнадцатой и восемнадцатой глав Апокалипсиса, где говорится о «вавилонской блуднице»: в религиозном смысле это символ греха, в историческом — римской церкви. Данные значения соединяются в монологе Великого инквизитора в романе «Братья Карамазовы» (см.: 14, 230–231, 234–237).

В финальном эпизоде «Преступления и наказания» Достоевский развивает апокалипсическую тему, вновь связывая ее с историей человечества, осужденного «в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве» (6, 419). В «болезненных грезах» Раскольникова обнаруживаем образ «мудрецов» и мотив человеческого суда (отмеченные в интересующем нас отрывке «Дневника писателя»): «Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. <...> Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе» (6, 419–420). Комментируя эту часть романа, Г.Ф. Коган указывает на соотнесенность «символического сна Раскольникова» с Апокалипсисом (гл. 8–17), «образы которого Достоевский наполняет более широким содержанием», о чем свидетельствуют и пометы писателя в экземпляре Нового Завета 1823 г. с упоминанием таких понятий, как „социализм“, „цивилизация“, „общечеловек“» (7; 399).³⁶

³⁶ Более подробный комментарий к данному фрагменту «Преступления и наказания» см.: Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. С. 432–437.

Наконец, в романе «Идиот» не только имеются цитаты и реминисценции из Апокалипсиса, но появляется и герой–толкователь. Внимание Лебедева привлекает именно та цитата о третьем всаднике на вороном коне, которая повторяется в наборной рукописи «Дневника писателя» 1877 г.: «...мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: „мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий“... да еще дух свободный, и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божии при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохраняют, и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...» (8, 167–168)³⁷. Это высказывание позволяет уточнить наше понимание более поздних рассуждений Достоевского в «Дневнике писателя»: цитата из Апокалипсиса становится характеристикой времени, определением бездуховной цивилизации, существующей «на мере и на договоре» и разъединяющей людей на «эгоизмы».

В «Дневнике писателя» образ всадника связан с мотивом суда и темой виновности. Отрицательно оценив упомянутые выше решения вопроса о виновности и преступности человеческой, Достоевский между тем заявляет о «национальном „новом слове“» (25, 200), сказанном автором «Анны Карениной». Важно то, что через интерпретацию романа Толстого Достоевский отчетливо проговаривает собственный взгляд на человека: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря–социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: „Мне отмщение и Аз воздам“» (25, 201). Здесь вновь возникает апокалипсический образ всадника с мерой в руке — «судьи человеческого». В «Дневнике» это образ собирательный, означающий тех, кто судит виновных и преступных. По Достоевскому, такой суд одних грешников над другими невозможен и несправедлив. Не случайно еще в «Записках из Мертвого Дома» преступники названы «несчастливыми» (ср.: «...весь народ во всей России называет

³⁷ Об апокалипсической теме в романе «Идиот» в частности и в творчестве Достоевского в целом см.: Степанян К. А. «Это будет, но будет после достижения цели...», или Четыре всадника в повествовании о «положительно прекрасном» человеке («Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса и Э. Ж. Ренана и роман Ф. М. Достоевского «Идиот») // Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005. С. 173–190; Карякин Ю. Ф. Достоевский и Апокалипсис // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 1. С. 5–15; Черюкина Г. Л. Образ Христа в поздних романах Ф. М. Достоевского в свете влияния Апокалипсиса // Филологический вестник Ростовского университета. 2000. № 3. С. 16–21; Артёмьева С. Апокалипсис у Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 2003. Вып. 17. С. 233–252. Также см.: 9; 445–448 (примечания Н. Н. Соломиной; к сожалению, комментатором не отмечен историософский смысл, которым Достоевский наделил библейское изречение о третьем всаднике, см.: 9; 439).

преступление несчастьем, а преступников несчастными. Это глубоко знаменательное определение» — 4, 46). По замечанию Г. М. Фридлендера, «история Анны (Карениной. — Н. Т.) в понимании автора — это не только история ее внешних тяжелых испытаний, но и история совести героини, которая должна до конца испытать всю чашу своих заблуждений и страданий для того, чтобы перед смертью, при свете ярко вспыхнувшей на мгновение „свечи“ совести, прочесть скорбные страницы книги своей жизни и сделать из нее последний вывод»³⁸. И поэтому «героиня Толстого не только „преступница“, подобно героям Достоевского, она и „несчастливая“. Люди и собственная совесть осуждают ее — и все же автор не решается сказать о ней последнего слова, вынести ей простой и однозначный приговор. Эпиграф к роману „Мне отмщение, и Аз воздам“ говорит о том, что героиня его если и виновна перед людьми, то в то же время и неподсудна человеческому суду»³⁹.

Гениальное художественное открытие в романе «Анна Каренина», по мысли Достоевского, заключается в христианском понимании проблемы: человека, даже при условии его греховности, никто не должен лишать права на покаяние и преображение. Оценивая «европейские решения» вопроса о виновности и преступности человеческой, говоря о «гениальности» Толстого, Достоевский формулирует собственное «новое слово»: единственный, спасительный, выход из преступлений, вины и необходимости суда — Милосердие и Любовь. Эта идея становится центром всех рассуждений, важность ее подчеркивает правка наборной рукописи. В автографе слова «милосердие» и «любовь» начертаны с маленькой буквы. В печатном тексте, начиная с первой публикации, в этих словах появляется заглавная буква, что свидетельствует об авторском исправлении наборной рукописи на стадии корректуры.

Таким образом, в «Дневнике писателя» происходит переосмысление сюжета из Откровения св. Иоанна Богослова. Достоевский предлагает свою интерпретацию строк о третьем всаднике, имеющем меру в руке. Из окончательного текста при этом исключается изречение о «елее и вине»: автор не стал воспроизводить толкование данных строк, озвученное его героем в романе «Идиот». Отказ от прямого цитирования Библии не мешал сохранению библейского подтекста в рассуждениях Достоевского, и в этом смысле актуальным остался мотив суда. Апокалипсический образ всадника в «Дневнике...» трансформировался в образ «судьи человеческого» с весами и мерой в руках. Символично при этом появление мифологемы весов, усиливающей апокалипсический мотив суда в окончательном тексте. Весы принято считать «мифологическим символом божественного правосудия (особенно загробного)»⁴⁰. В египетской, древнеиндийской мифологиях взвешивание души (сердца) определяло «нравственные дос-

³⁸ Фридлендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой (Статья вторая) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 73–74.

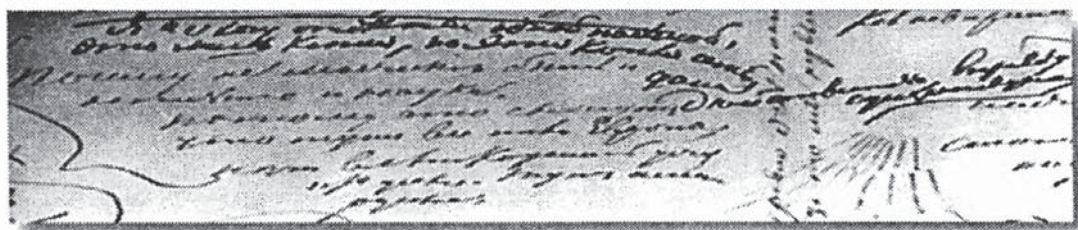
³⁹ Там же. С. 74. См. также: Свительский В. А. Логика авторской оценки в романе Л. Толстого «Анна Каренина» // Толстовский сборник. Тула, 1973. Вып. 5. С. 57–68.

⁴⁰ Иванов В. В. Весы // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 234.

тоинства умершего человека); подобные представления «имелись в ветхозаветной (надпись на стене; Дан. 5, 27) и христианской (архангел Михаил, взвешивающий души умерших) традициях»⁴¹. В тексте Достоевского речь идет о неадекватной замене «божественного правосудия» человеческим — и в июльско-августовском «Дневнике» мотиву суда противопоставляется высказанная писателем еще в 1862 г. идея «восстановления погибшего человека»⁴². Так библейские аллюзии, будучи связанными с размышлениями Достоевского о европейской истории и с оценкой литературных явлений, становятся выражением христианского идеала.

Предложенные текстологические наблюдения позволяют откорректировать печатный вариант *набросков*, имеющих отношение к данной части «Дневника писателя»: «Почему не может быть и остального и науки, потому что скажут, что тут все-таки Европа, нет в „Анне Карениной“ уже и то русское. Тут именно русское.

Я не хочу отделаться одной поэмой, это лишь копия, но это копия есть, дана, действительность, вправду существующая» (25, 246–247). Наброски иногда могут выглядеть как незаконченный, отрывочный текст, но они всегда отражают определенную логику суждения, они грамматически оформлены (даже если мы, читатели, не сразу видим эти грамматические связи). В данном случае сомнения вызывает бессвязная фраза: «нет в „Анне Карениной“ уже и то русское». Кроме того, слово, обозначенное в ПСС как «копия», в рукописи написано без «i» (вместо «i» в тексте другая буква). К тому же замечание Достоевского о поэме-«копии» звучит как отголосок эстетической теории Чернышевского, что уже само по себе странно: Достоевский критиковал утилитарный подход к искусству еще в 1860-е гг.⁴³ Отметим также, что после причастия «дана» в тексте нет запятой, написание последующих слов тоже вызывает вопросы. Анализ рукописи проясняет смысл высказывания:

«Почему не может быть и остального и науки.

Потому что скажут что тутъ все таки Европа, нтъ въ Аннѣ Карениной ужъ и Русскаго. Тутъ имен<но> Русское.

/Я не хочу отдѣлаться одной поэмой, это лишь капля, но эта капля есть, дана дѣйствительно, вправду существуетъ/»⁴⁴. В набросках содер-

⁴¹ Там же.

⁴² См. предисловие Достоевского к переводу романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», опубликованному в журнале «Время»: 20, 28.

⁴³ Например, в известной статье «Г. —бов и вопрос об искусстве».

⁴⁴ РГБ, ф. 93, 1.2.14/7, л. 1 об.—2 (часть записи находится на развороте листа).

жится та же мысль, что и в окончательном тексте «Дневника писателя»: роман Толстого помогает осознать необходимость национальной, русской, идеи: «Если у нас есть литературные произведения такой силы мысли и исполнения, то почему у нас не может быть *впоследствии* и *своей* науки, и своих решений экономических, социальных, почему нам отказывает Европа в самостоятельности, в нашем *своем собственном* слове, — вот вопрос, который рождается сам собою» (25, 202). Строки о «капле» включены в печатный текст и поясняют смысл черновой записи, подтверждая при этом правильность установленного чтения: «Разумеется, возопят смеясь, что это — всего лишь только литература, какой-то роман, что смешно так преувеличивать и с романом являться в Европу. Я знаю, что возопят и засмеются, но не беспокойтесь, я не преувеличиваю и трезво смотрю: я сам знаю, что это пока всего лишь только роман, что это **только одна капля** того, чего нужно, но главное тут дело для меня в том, что **эта капля уже есть, дана, действительно существует, взаправду**, а стало быть, если она уже есть, если гений русский мог родить этот *факт*, то, стало быть, он не обречен на бессилие, может творить, может давать *свое*, может начать *свое* собственное слово и договорить его, когда придут времена и сроки» (25, 199)⁴⁵. Возникающая здесь новозаветная аллюзия («времена и сроки») относится ко второй части изречения Христа, обращенного к апостолам: «На сіе Онъ сказалъ имъ: не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отець предоставилъ Своей власти. Но вы получите силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой; и будете Моими свидѣтелями въ Іерусалимъ и во всей Іудеѣ и въ Самаріи и даже до послѣдняго *края* земли» (Деян. 1:7–8)⁴⁶. В данном случае, как и в предыдущих, библейский текст становится способом выражения авторской веры в духовную спасительную силу русской нации и в будущее России, которая еще должна сказать собственное слово в мировой истории.*

⁴⁵ Учитывая сделанные исправления, уточним еще две записи, которые в печати воспроизводятся так: «Но, однако, роман. Стотысячные факты, но, однако же, они есть, даны» (25, 247) и «Хотя это только 100-тысячная копия, но она уже есть, уже дана» (25, 249). Следует читать: «И одинъ романъ. Стотысячная капля<, > но однакожь она есть, дана» и «Хотя это только 100-тысячная капля, но она уже есть, уже дана» (РГБ, ф. 93, 1.2.14/7, л. 2, 2 об.).

⁴⁶ В Новом Завете 1823 г. указанные строки отмечены крестом (С. 279). Также см.: 1 Фес. 5: 1–2,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02–04–00101а.